

Петр БАРЕНБОЙМ

Адвокат, член Совета Междисциплинарного центра философии права,
вице-президент Союза (Содружества) адвокатов, канд. юрид. наук

УДК 340.1

Код ВАК 12.00.01

ТРИ ВЕКА ОДИНОЧЕСТВА ПРАВОВЫХ ИДЕЙ ДАВИДА ЮМА

Юм никем не был понят.
Иммануил Кант

В этом году отмечается 300 лет со дня рождения Давида Юма (1711—1776), о котором говорят как о величайшем философе, писавшем на английском. Сам Юм считал англичанином (в широком смысле пишущих на английском, поскольку сам был шотландцем) величайшими философами всех времен и народов, как итальянцев, например, в сфере искусства. Вряд ли с этим утверждением о философах согласился бы Иммануил Кант (1724—1804), хотя он скромно признавал только Юма в качестве философа, оказавшего на него решающее влияние, отмечая, что Юм занимает высшее место как пример созерцательной жизни философа. Взаимосвязь этих двух великих философов позволяет оценить важнейшую роль Юма в развитии философии права, что не так уж часто отмечается его исследователями, относящими обычно его философско-правовые идеи к политической теории и даже социологии (последнее, например, см.: [1]).

Присоединяясь к приведенному в эпиграфе этой статьи мнению Канта, профессор Кембриджского университета Симон Блэкбурн пишет, что «...Юм всегда понимался неправильно» [2]. При этом сам Блэкбурн в книге «Как читать Юма», претендующей на краткий обзор основных идей шотландского философа, не упоминает о его важнейших конституционно-правовых идеях, под влиянием которых Кант сформулировал доктрину правового государства *Rechtsstaat*.

Третий Президент США Томас Джефферсон в свое время изъезжал книги Юма из библиотеки Университета Вирджинии за их, по его мнению, консерватизм, тогда как четвертый Президент США Джеймс Мэдисон вдохновлялся идеями Юма, особенно при написании статьи «Федералист № 10», которая сейчас называется в числе 20 наиболее важных публикаций за всю историю страны. Шотландцы, имея довольно богатый выбор, признали Юма самым знаменитым шотландцем второго тысячелетия. Профессор Оксфордского университета Дж. Харрис в книге «Правовые философии» [3], хотя приводит Юма (игнорируя Канта, но включая Маркса) в списке крупнейших философов права, но только четыре раза упоминает его имя на 300 стра-

ницах мелкого шрифта. Еще более мелким шрифтом издана 600-страничная англо-американская хрестоматия «Философия права», где идеям Юма уделено очень мало внимания, что совсем не балансируется кратким анализом профессора Ларри Мэя, подчеркнувшего значение идей Юма для современной философии права в вопросе преемственности публичных правовых обязательств при смене поколений [4].

Президент Королевского института философии Антони Квинтон отметил, что Юм может быть назван «Ньютоном гуманитарных наук», отмечая, что философы до XX в. не воспринимали основные философские идеи Юма. Одновременно этот автор не находит, по его собственному замечанию, в своей небольшой обзорной книжке «Юм» места для изложения идей по эстетике и экономике [5]. Нам неясен этот отказ от изложения экономических, а по сути правовых, конституционно-экономических идей о взаимосвязи экономического развития с качеством управления государством, свободой и безопасностью личности. Основатель политической экономии Адам Смит (1723—1790) писал об этих идеях Юма как о первых в истории человеческой мысли, называя того «наиболее знаменитым философом своего времени» [6].

Профессор Харрис пишет, что в современном английском языке понятия «юриспруденция», «философия права» и «правовая теория» (по-нашему, видимо, теория государства и права) сливаются, и поэтому бороться за их строгое различие является непродуктивной задачей. Отчасти это подтверждается тем, что сегодня в английской Википедии «философия права» включена в статью «Юриспруденция». Но, что хорошо англичанину, необязательно правильно для России, которая своей философии права до конца XIX в. не имела, а возникшая тогда (хотя слегка компилятивная, но зато довольно мощная) тенденция к ее развитию была прервана в 1917 г.

Здесь, возможно, следует отметить опять же англоязычную тенденцию выделять как основное понятие «политическую философию», включая в него философию права. Конечно, между ними нет непре-

одолимой границы, а сами современные юристы чаще всего держатся в отдалении от требующей энциклопедической эрудиции философии права, оставаясь в рамках юриспруденции. Это облегчает поглощение философии права общим понятием политической философии, при этом не вполне учитываются и размышляются важные правовые принципы, особенно там, где речь идет о доктринах Правового государства и Верховенства права.

Кроме того, иногда в философию права не в полной мере включают вопросы государства, относя их к политической теории. Даже в некоторых наших отечественных признанных работах по философии права ее предметом называют только познание права, а Юм вообще не упоминается.

Здесь российские авторы невольно идут за англоязычными правовыми философами, которые понятие «государство» (*state*) используют больше применительно к международному праву, а затрагивая внутреннюю правовую систему, используют в этом смысле в основном термин «*government*», обычно переводимый на русский как «правительство». Термин «*state*» используют чаще всего в юридическом «американском английском» языке в значении «правовой статус», затем «штат» — субъект федерации в США и реже как «государство» в нашем смысле этого слова. Отсюда идут многие непонимания при переводах, искажающие различие между доктриной российского «правового государства» из Конституции Российской Федерации и немецкого кантовского *Rechtsstaat* из Конституции Германии, с одной стороны, и англо-американской доктрины «верховенства права» — с другой.

Давид Юм стал учителем Канта, который, в свою очередь, сформулировал доктрину правового государства. Для краткой статьи анализ взаимосвязи всех соответствующих доктринах идей Юма и Канта — задача слишком сложная и будет представлена в книге «Непонятый Юм», издание которой планируется на начало следующего года. Главное, что я хотел показать сейчас, — это заимствование Кантом у Юма понятия «конституция», которое в английском праве и философии права было тогда уже достаточно определенным. Оно и в наше время соответствует современной разновидности «неписаной конституции» как конгломерата основополагающих законодательных актов и судебных решений, что и сейчас в наше время характеризует Конституцию Великобритании и конституции еще примерно десятка государств. Неписанные конституции имеют тот же правовой статус, что и писанные, история которых началась с Конституции США и продолжилась принятием за последующие 220 лет еще не менее 500 версий писанных конституций уже более чем в 200 странах мира.

Важно отметить, что Юм заложил базу для не вполне понятого и отраженного Кантом тезиса о равенстве государства и гражданского общества, скорее, даже о подчиненности государства нуждам гражданского общества. Без этого великого положения вся конструкция доктрины правового государства остается непонятой, в том числе и до наших дней. Конституция страны, по Юму и за ним по Кан-

ту, является главным правовым фундаментом правовой государственности.

Кант знал о том, что такое «конституция» еще от Юма, а затем по текстам, принятых при его жизни конституций США и Франции. Поэтому он использовал немецкий термин «*Verfassung*» в правовом смысле понятия «конституция». К сожалению, все русские переводы Канта за 200 лет прошли мимо этого очевидного значения *Verfassung*, что не могло не сказаться на точном понимании Канта. Более того, русские переводы Юма в отдельных местах пошли по тому же пути. Например, в эссе с ироничным (эта ирония ушла при переводе) названием «*That Politics May Be Reduced to a Science*», где он говорит о преимуществе одной конституции перед другой (*one constitution above another*), перевод меняет понятие «конституцию» на «строй».

Переведя несколько раз термин «*constitution*» правильно, далее его представляют «устройством». После этого Юм до конца этой важнейшей для развития конституционной мысли работы 12 раз употребляет термин «*constitution*», который ни разу правильно как «конституция» не переводится (то «порядок», то «строй»). Искажение перевода приводит к искажению смысла, но здесь, как и в случае с Кантом, это не является ошибкой конкретных переводчиков, а отражением общего конституционно-правового нигилизма, усиленного своего рода недостаточной (выразимся так) конституционной подготовленностью.

У нас продолжают недооценивать Иммануила Канта как автора доктрины правового государства так же, как и его мысль, что история будущего создается сегодня, и не на базе достигнутого опыта о плачевных или положительных результатах предшествующей деятельности, а на базе некоего конституционного идеала, который может восприниматься аксиоматично, априори, ввиду его бесспорности (например, достижение мирного и благополучного существования всех людей под эгидой единой конституции).

Кант в «Критике чистого разума» вплотную подошел к вопросу, что понятие «счастье» должно найти юридическое определение с тем, чтобы право на счастье (словами Конституции России — «благополучие и процветание») было рассмотрено как *quid juris* (вопрос о праве), а не с позиций всеобщей снисходительности. Эти слова Канта могут быть восприняты не просто как объяснение, а скорее, как манифестация идеи правового государства, особенно если принять его правильное и более чем современное выделение плохой законодательной работы в качестве важного препятствия становлению правового государства. Кроме того, конституционно-правовое определение счастья как процветания и благополучия напрямую относится к эстетической концепции государственности, для которой очень важна, в свою очередь, и концепция конституционной экономики. Подход Бьюкенена при развитии конституционной экономики не ограничивается лишь анализом экономических и конституционных проблем — он также затрагивает и некоторые ключевые вопросы философии права. В первую очередь это касается идеи

конституционно-экономического обеспечения права на счастье как ныне живущих, так и будущих поколений [7]. Современному конституционному праву известен пример, когда Королевство Бутан провозгласило в начале XXI в. счастье своих граждан главной конституционно-правовой ценностью государства и попыталось рассчитать «коэффициент счастья» на душу населения, осуществляя в какой-то мере идею основателя современной доктрины правового государства — великого немецкого философа Иммануила Канта, который предлагал перевести понятие «счастье» на язык конкретных правовых категорий, позволяющих контролировать применение государством своей же конституции. Главная мысль, по Канту, состоит в том, что история будущего создается сегодня, и не на базе достигнутого опыта плачевных или положительных результатов предшествующей деятельности, а на базе некоего конституционного идеала (который может восприниматься аксиоматично, «*a priori*», ввиду его бесспорности) — такого, например, как достижение мирного и благополучного существования всех людей под эгидой единой конституции. Кант в своей Критике чистого разума ставит вопрос о том, что понятие «счастье» должно найти юридическое определение с тем, чтобы «право на счастье» было рассмотрено как «*quid juris*» (вопрос о праве), а не с позиций «всеобщей снисходительности». Практическое конституционно-правовое определение «счастья» (или «благополучия и процветания», как это записано в Преамбуле Конституции РФ) и является философским основанием конституционной экономики [8].

В англо-саксонской терминологии аналогом «правового государства» часто называют *Rule of Law* — «верховенство права», но следует отметить их несоответствие и самостоятельность понятия «правовое государство», которое поэтому переводят на английский как *the Legal state или law-bounded state* [9].

Правовое государство может быть определено не само по себе, а через его взаимоотношения с обществом, конечно, с гражданским обществом, потому что ни при каком другом правовое государство не может существовать, так же, как и гражданское общество не может развиваться в полном масштабе, если государство не является правовым.

Поэтому все определения в учебниках, гласящие, что государство является формой организации общества, неверны по отношению к любому современному государству и вдвойне неверны для характеристики правового государства. Не могут рассматриваться как пригодные для объяснения природы правового государства повсеместно распространенные определения государства, как политической организации общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издает обязательные для всех веления и обладает суверенитетом.

Гражданское общество является равноправным партнером правового государства, которое не организует его, а дополняет и защищает. Эта мысль четко вы-

сказана Давидом Юмом. Разделение понятий «общество» и «государство» является, может быть, первым шагом к осмыслению того понятия правового государства, которое нам необходимо сделать.

Правовое государство является термином, понятием и основополагающим принципом Конституции Российской Федерации. Статья 1 Конституции Российской Федерации гласит: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство». В связи с этим Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отмечает: «Континентальная система права базируется на понятии «правовое государство» — том, что взято в основу нашей Конституции. Нужно отметить, что это понятие во взаимосвязи с реалиями XXI столетия еще ждет своей доктринально-концептуальной разработки, что потребует тесного сотрудничества юристов и философов» [8, с. 29].

Правовое государство требует развития институтов гражданского общества, с которыми оно строит отношения на основе равенства [10].

Правовое государство и гражданское общество представляют собой разные системы самостоятельных институтов. В России особая ситуация, поскольку правовое государство является здесь принципом и нормой Конституции, принятой в 1993 г., а значит, разработка доктрины и понятия правового государства на уровне XXI столетия — это не благое пожелание, а обязанность государства и общества.

Следует обратить внимание на размышления современного российского философа Э.Ю. Соловьева: «Оппозиция «мира» и посюсторонней «райской гармонии» — таково, возможно, самое глубокое, эзотерическое измерение кантовского трактата («О вечном мире»). Ее можно определить как противостояние идеала и *идиллии*... Именно благодаря своему идеализму Кант совершенно свободен от мечтательности и склонности к благим прорицаниям. «Вечный мир, — говорит по этому поводу О. Хоффе, — не нуждается в чьих-либо провидениях; он задан людям в качестве их морального, а точнее — морально-правового долга... Задача утверждать вечный мир имеет статус категорического императива» [11]. Может быть, из-за «отталкивания» от Канта и непризнания проявления в жизни «мужества невозможного» пробуксовывает сейчас российская наука философии права, особенно в разработке конституционного понятия правового государства.

Своими философами и теоретиками права, скажем философско-правового Серебряного века, Россия может гордиться. Хотя они многое из западной науки удачно компилировали, зато Канта читали в оригинале и знали доктрину правового государства не понаслышке. Просто много в подцензурных публикациях того времени они сказать не могли. Например, об антимилиитаризме Канта и о конституционной составляющей доктрине правового государства. Зато воспитали такого ученика, как Николай Рерих (выпускник юридического факультета Петербургского университета 1898 г.), который абстрактный «вечный мир» Канта каким-то чудом превратил в единственный в мире многосторонний международный договор — знамени-

тый Пакт Рериха 1935 г. Впрочем, об этом у нас почему-то никто не знает.

Давид Юм учился праву и даже неуспешно пытался применить свои знания после окончания университета для короткой правовой карьеры. Через много десятилетий, будучи почетным и зажиточным жителем Эдинбурга, он сдавал один из принадлежащих ему домов. Его арендатор сдал дом в субаренду, а новый жилец за свой счет произвел ремонт, возврат средств за который после окончания договора субаренды он потребовал с собственника. Юм категорически возражал, утверждая, что он ремонт не заказывал и не санкционировал. Тем не менее суд взыскал с него требуемые деньги, поскольку было доказано, что ремонт был необходим и улучшил состояние дома. Этот суд Давид Юм проиграл.

Но он выиграл более важный процесс — Суд Истории, став автором мыслей, которые и сейчас, три века спустя, только приоткрывают всю глубину своего значения для человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарский И.С. Давид Юм. — М., 1973.
2. Blackburn S. How to Read Hume. — London, 2008. — P. 2.
3. Harris J.W. Legal Philosophies. — Oxford, 2004.
4. Philosophy of Law / ed. by Larry May and Jeff Brown. — Malden, USA, Oxford, UK, 2010. — Pp. 55—57.
5. Anthony Q. Hume. — N.Y., 1999. — Pp. 10, 58.
6. Smith A. The Wealth of Nations. — N.Y., 2003. — Pp. 520, 997.
7. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. — Т. 2. 1983—1996. — СПб.: Наука, 2009. — С. 92—106.
8. Философия права в начале 21-го столетия через призму конституционализма и конституционной экономики» / сост. П. Баренбойм, А. Захаров. — М., 2010.
9. The Rule of Law: Perspectives from Around the Globe. — Editor: Francis Neate, London, 2009.
10. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России // Правовая реформа. Судебная реформа. Конституционная экономика / сост. П.Д. Баренбойм. — М., 2004. — С. 7.
11. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. — М.: Прогресс-традиция, 2005. — С. 232, 233.

Баренбойм П.Д. Три века одиночества правовых идей Давида Юма

Barenboim P.D. Three Centuries of Solitude of Legal Ideas of David Hume

Контактная информация для переписки: 111024, г. Москва, ул. Энтузиастов 2-я, д. 5.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена значению и взаимосвязи конституционных идей шотландского философа Давида Юма (1711—1776) и немецкого философа Иммануила Канта (1724—1804), который разработал основы доктрины правового государства, ставшей с 1993 г. главным понятием и принципом Конституции Российской Федерации. Эти идеи крайне важны для развития философии права в России, но остаются у нас недостаточно известными. Существует ряд терминологических проблем с переводами Юма и Канта. Например, термин «конституция», который они использовали в своих произведениях, по большей части неточно переведен на русский язык, что затрудняет понимание идей этих двух великих философов права.

ABSTRACT

The article is devoted to constitutional ideas of David Hume and Immanuel Kant and links between their legal philosophies. Under influence of Hume's legal ideas Kant developed the doctrine of the Legal State (Rechtsstaat) which from 1993 became a major principle enshrined in the Constitution of Russia. A correct understanding of constitutional views of two great legal philosophers is critically important for development of the philosophy of law in Russia as well as for implementation of the Constitution of Russia into real life.

Ключевые слова: Давид Юм; Иммануил Кант; доктрина правового государства; конституция; гражданское общество; философия права.

Keywords: David Hume; Immanuel Kant; philosophy of law; doctrine of the Legal State; Rechtsstaat; the Constitution of the Russian Federation; civil society; legal philosophy.